

МАККЕНЗИ КАДЕНХЭД

МАККЕНЗИ КАДЕНХЭД

СНОВИДЦЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
К13

Серия «Настоящая сенсация!»

MacKenzie Cadenhead

SLEEPER

Перевод с английского *Е. Абаевой*
Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения литературных агентств
Hodgman Literary и Andrew Nurnberg.

Каденхэд, Маккензи.

К13 Сновидцы : [роман] / Маккензи Каденхэд ; [пер. с англ. Е. Абаевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 288 с. — (Настоящая сенсация!).

ISBN 978-5-17-982647-7

Переходный возраст — не самое простое время. А если ты еще страдаешь расстройством сна и можешь нанести вред окружающим — это просто катастрофа. Особенно когда об этом узнаёт вся школа... Именно так случилось с Сарой Рейес.

Но у Сары есть надежда: новое лекарство, способное ее вылечить. Сара готова принять участие в эксперименте, однако очень скоро она понимает: лечение не такое уж и безобидное...

Возможно ли, что симпатичный парень из ее снов внезапно переводится в ее реальную школу? Что она с друзьями видит одни и те же сновидения? И действительно ли она может вселяться в тела своих обидчиков и управлять ими? А может, у Сары просто богатая фантазия — или это лекарство способно дать нечто большее, чем крепкий сон?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© MacKenzie Cadenhead, 2017

Школа перевода В. Баканова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers,
2018

ISBN 978-5-17-982647-7

Посвящается Финну и Лире

Глава первая

Заметишь парящую в туманной пелене дверь — не открывай!

И не важно, что опасность тебе по душе, что любопытно и ты глазам не веришь — как это дверь висит в пустоте...

Обещай развернуться на сто восемьдесят градусов и бежать.

Другими словами, не повторяй моих ошибок: не тупи.

Сама дверь — так, ничего особенного: три панели, растрескавшаяся белая древесина, позеленевшая медная ручка. И говорить-то не о чем. Но она настолько внезапно возникает из ниоткуда, что испытываешь волнение, словно в рождественское утро. Больше ничего не происходит. Серьезно, вообще ничего. В эфемерной пелене я совершенно одна. Спать я отправилась давно и успела заскучать. Поэтому такая неожиданность щекочет нервы.

Я тянусь, хочу повернуть ручку; даже не сразу доходит, что там меня могут не ждать распротертые объятия. Дверь висит неподвижно. И что? Я еще больше хочу ее открыть.

Смотрю на своего главного противника, во мне нарастает желание попасть внутрь, и вдруг вспоминаю Джиджи Макдоналд, капитана команды по лакроссу, которая для нас, порхающих вокруг мотыльков, как свет в окошке. Каждый раз, когда мы заваливаем подачу или даем возможность другому игроку прорваться и забить гол, она гоняет нас без капли жалости, пока мы все не отработаем. Но основной мотивирующий фактор у нее — футбольная команда.

— Хотите, чтобы футболисты держали нас за слабаков?! — орет она, пока на лбу не взбухнет венка. — Или покажете, что настоящие спортсмены способны не просто бегать по полю, натываясь на мяч?

Вопрос чисто риторический. Но сегодня ночью...

Я лицом к лицу с противником. Воочию представляя всех футболистов, которые глумились над женским спортом, делаю шаг назад, выставляю вперед плечо и со всей мочи тараню дверь. Дверь — нараспашку, я — лечу.

Прямо...

В черную.

Тишину.

Воздух сдавливает грудь.

Жалящий ветер колет лицо, тыщ-тыщ, словно по щекам хлещут крылья миллионов бабочек. По ушам бьет так, что я уверена: барабанные перепонки сейчас лопнут. Во рту сухо, как в пустыне. И я моргаю, моргаю, моргаю, моргаю. Пытаюсь разглядеть хоть что-то в темноте. Я растворяюсь в небытии.

Но вдруг...

Все прекращается.

Перед глазами мелькает череда картинок: артритные голые ветки в лунном свете, каменистая тропка, что-то зеленое...

А потом я приземляюсь лицом вниз, прямо в бурю груды жухлых листьев. Лежу неподвижно, вдыхая бодрящий осенний воздух, который щекочет мне ноздри. Приподнявшись на локтях, отбрасываю листик, запутавшийся в густых темных волосах. Думала, что летела в неизвестность — в Зазеркалье, но это место оказывается мне знакомым.

Это природный заповедник позади футбольного поля Хорсменов. Ошибки быть не может: вон наш Пень — все, что осталось от могучего дуба, который срубили, когда мне было десять. Всем известно, что здесь допоздна тусуются крутые ребята из старшей школы Ирвингтона. Еще это своеобразный памятник — место, где кое-кто поднабрался жизненного опыта. Именно здесь я впервые попробовала пиво, и именно здесь меня, четырнадцатилетнюю девчонку, поцеловал старшеклассник — звезда футбола. Вкус пива оказался на любителя, а вот поцелуй уже не забудется...

Сейчас ночь, и тут никого. Над головой нависают голые деревья, между скрюченными ветками которых ослепительная полная луна играет в прятки. Под ногами хрустят сучья. Огибаю какие-то камни, корни, наугад нащупывая дорогу, и скоро оказывается, что это и есть тропа. На мне все необходи-

мое для пижамной вечеринки, в чем я и легла спать: майка и коротенькие шортики. Чтобы согреться, растираю руки и пеняю на себя:

— Модница... Нет чтобы одеться по погоде.

Продолжаю обреченно брести по тропинке, изо всех сил стараясь не обращать внимания на кожу, которая из-за мурашек превратилась в наждачку. Не сразу замечаю, что зашла уже очень далеко — эта часть леса мне незнакома. Неожиданно сломавшаяся под ногой ветка хрустит особенно громко, и я подпрыгиваю...

— Тс-с-с-с, — шикает кто-то справа.

Каждая моя клеточка напряглась. Присматриваюсь и замечаю, что, прислонившись к дереву, рядом стоит парень и разглядывает что-то перед собой. Рубашки на нем нет, темно-русые волосы немного выгорели на солнце, на животе четыре кубика из шести. Высокий — выше меня по крайней мере сантиметров на тридцать. Несмотря на широкие плечи, худощав и легко прячется за массивным стволом клена. Короткие, но густые вихры его шевелюры слегка кучерявятся, а длинный, немного смещенный нос обращает на себя невольное внимание харизматичной кривизной. Нос кажется косой стрелой, которая выскальзывает из выдающегося лба и направляется прямиком к чертовски привлекательному рту. Мое тело, теперь уже напряженное по несколько иной причине, пронзает приятная, но такая предательская сейчас дрожь. Я уже настроилась на дружеское

общение, тем более что собеседник оказывается таким горячим...

Парень едва оценивает меня изумрудно-зелеными глазами и тут же возвращается к предмету своего наблюдения. Потом вытягивает руку, предлагая устроиться у него под боком в идеальном — прямо мой размерчик — укрытии.

Впервые не знаю, что делать.

В этом месте обычно не тратишь время на размышления. А зачем? Ведь нет никаких последствий, нет выпускного экзамена, никто не спросит тебя, почему и что именно ты думала в каждый конкретный момент. Есть только здесь и сейчас. Странно, что у меня возник непредвиденный порыв замять ситуацию. Я что, стесняюсь? С чего бы? Здесь же все нереально. Неужели меня смущает именно то, что больше всего сейчас хочется принять предложение и прильнуть к этому полубнаженному лесному богу?

Попросив свою бессознательную сознательность пойти далеко и надолго, шагаю вперед. Вдыхаю рядом с этим божественным парнем полной грудью и забываю обо всем на свете. Дурманящий аромат мыла «Дав», оттеняя мальчишеский запах пота, манит меня прямо как рисованные струйки аромата в мультике про Скуби-Ду. И я проскальзываю в уготовленное для меня укрытие.

От парня исходит тепло, но от этого моя дрожь не проходит. Поднимаю голову и улыбаюсь. Он совсем не обращает на меня внимания, продолжая вглядываться в неведомую мне точку. Интересно,

что может привлекать больше, чем полуголая девочка, которая прижимается к твоей груди?

Хочу посмотреть.

Вдруг в невероятно ярком свете луны посреди полянки вдали замечаю лежащего олененка. Его глаза широко раскрыты, дыхание сбивается. В бок впилась стрела.

— Рана смертельна. Но умирать он будет очень долго, — по-прежнему не глядя на меня, произносит парень.

К горлу подкатывает комок, но когда я открываю рот, у меня не вырывается стон, и я спокойно говорю:

— Я знаю, что делать.

Через секунду я уже на полянке. Одну руку кладу на дрожащий подбородок олененка, другую на его затылок. Животное пытается сопротивляться. Но оно ранено, плохо соображает, и это мне только на руку.

Прижимаю оленя к земле ногами. Абсолютная уверенность в том, что в подобной ситуации убийство из жалости самый правильный поступок, придает сил.

Парень у дерева кричит. Кажется, он просит меня остановиться... Но я не могу.

Глаза олененка расширяются. Дыхание затухает. Мои руки еще сильнее сдавливают его подбородок и затылок. Захват закреплен. Все, через мгновение я готова свернуть ему шею.

— Нет! — заполняет все крик парня. — Прогнись!

Все вокруг застывает. Расплываются контуры деревьев. Стихает ветер. Растворяется олененок, хотя я все еще чувствую его в своих руках.

Парень пропал, а на меня обрушиваются новые звуки. Сначала приглушенные. Теперь уже это крик.

— Сара! Прекрати! Ты ее убьешь! — вопит знакомый женский голос.

Картинка перед глазами снова приобретает четкие контуры. Не сразу, но я возвращаюсь к реальности. Теперь надо мною не потрясающая осенняя луна, а утопленные галогеновые лампы низкого потолка.

Опускаю взгляд и соображаю: я в каком-то подвале, а рядом, глядя на меня с ужасом, кричат две мои подруги.

— Прекрати! — умоляет Тесса. — Сара, ты должна остановиться!

Эмбер как ненормальная открыла рот, вцепившись в транс в подушку. Чувствую, подо мною что-то сопротивляется, пытается высвободиться.

Что-то я продолжаю удерживать руками и ногами. Нет, не что-то. Кого-то.

Это же Джиджи — наш школьный спортивный капитан!

Она буквально захлебывается в рыданиях. Бьется в стальном захвате моих рук, которые плотно зафиксированы на ее подбородке и затылке. Готовые свернуть шею.

Вот дерьмо, мелькает мысль, опять. Только не это...

Глава вторая

— Вот честно, не понимаю, зачем делать из этого трагедию, — удивляется Тесса, помешивая соус морковной палочкой. — Джиджи научилась замазывать на шее синяки еще в седьмом классе.

— Точно, — соглашаюсь я. — Хотя эти-то будут покрупнее, чем засосы Томми Марнигана. К тому же ее пытались убить. Она бесится из-за этого.

— Все одно, все едино... — Тесса вгрызается в морковку, и громкий хруст привлекает внимание девятиклассниц, которые, перешептываясь, бросают на нас любопытные взгляды из-за стола напротив. Хихикая, девчонки забирают подносы и уматывают.

— Должна признаться, Сара, не думала, что ты сможешь так взлететь. Статус симпатичной звезды спорта уже делал тебя королевой бала, а теперь эта мания убийства вообще превратила в секс-символ.

— Среди футболистов, — уточняю я.

— Почему же? Еще среди девчонок группы поддержки, — улыбается она. Затем становится серьезной, хмурит брови и тихо добавляет: — Я все равно считаю, что Джиджи слишком сурова, поливая тебя грязью. Еще и за одним столом с ней запретила

тебе сидеть. Ты же не хотела ей навредить. Должна же она понять!

Вздыхаю. Тесса — хорошая подруга. По правде сказать, лучшая. Она решила разделить со мной последствия кошмарных выходных. Я не удивилась, но от этого ее решение не перестает быть менее ценным для меня. Тессу принято считать неопределившейся: по природе она равнодушна настолько, что не разрывается между бесчисленными группировками и каким-то образом всегда умудряется остаться в стороне от всех склок. Поэтому, если кто-то и захочет со мной пообщаться, ее никто привлекать для этого не будет. Я искренне признательна Тессе за стандартный в такой ситуации наезд на Джиджи из разряда «сам виноват». Это была милая попытка поднять мой дух. Но поддерживать видимость того, что мне все равно и «будь что будет», сейчас уже тяжело. Моя попытка непредумышленного убийства случилась уже три дня назад, а несостоявшаяся жертва так и не выказала никаких признаков того, что принимает мой довод о невиновности-вследствие-ночного-психоза. Понимаю, меня есть за что винить, и, справедливости ради, сама Джиджи никого не просила объявлять мне бойкот, но я все же потрясена, что она меня так запросто слила...

Мы с Джиджи дружим со времен юниорских состязаний. Мы вместе тащимся, когда нас бесплатно красят в «Сефоре», и она, не сомневаюсь, первой сбила бы соперника, схлестнувшегося со мной в игре. Но в последние дни я все чаще начинаю задумываться над тем, что наш статус «лучшие дру-

зья навеки» в какой-то мере может оказаться относительным. На поле мы неразлучная парочка, читаем мысли и буквально предугадываем движения друг друга. Половину игры соперники пытаются нас разбить. Но у них не выходит. Потому что там мы одно целое.

Зато вне поля нет никакого *мы*. В маленькой армии Джиджи я только лишь идеальный солдат с адекватными запросами. Но меня все устраивало. Никакой переворот я никогда не замышляла. Из-за собственных скелетов в шкафу мне всегда было приятнее греться в отраженных лучах ее ослепительного сияния. Тепла оно давало достаточно: я и загар поддерживала, и ожог третьей степени получить не боялась. Но и тряпкой или шестеркой меня уж точно не назовешь. Выпусти на поле — и я порву любого соперника. Возьми на вечеринку — и я зажгу так, что ни один парень мимо не пройдет. Мне нравится чувствовать, как ноют мышцы и обжигает, врываясь в легкие, воздух, когда я делаю рывок, который кажется мне невыполнимым. Не меньше мне нравится и власть, которая появляется, когда побеждает мое природное женское обаяние.

В целом меня все устраивает. Но, если признаться, бывает, я не во всем согласна с тем местом, которое мне принято отводить в нашей маленькой вертикали власти. Помню, как я получила диплом за тест повышенной сложности по литературе, который, по мнению Джиджи, должны были вручить ей, потом я еще встречалась со звездным нападающим Хорсменов. И вот уже соучастница преврати-

лась в соперницу. Стремительно. Сначала Джиджи «забывает» пригласить меня на выходные в торгово-развлекательный центр, потом меня не включают в список тех, кто ужинает в ресторане «Альп». Ну и наконец в машине, которая в субботу едет на ночную тусовку в лес, для меня не находится ну ни одного свободного местечка... В такие моменты, чтобы наладить отношения, я изо всех сил стараюсь вернуть свое место в тени королевы. Моя мама пашет на нескольких работах, чтобы у дочери все было не хуже, чем у других, отец за многие годы не прислал даже открытки на день рождения, а тут еще и я сама во сне устраиваю какое-то безобразие. Как видите, переживать есть из-за чего. Так зачем же мне рисковать самым стабильным в жизни — местом возле Джиджи — и спорить с ней? Должна же она это понять...

Подозреваю, с проблемами всегда так. Ты отчаянно стараешься их избежать, но как только они появляются, остается лишь надеяться, что все закончится, когда выйдешь замуж, а не когда помрешь.

Бросаю взгляд туда, где Джиджи, Эмбер, другие мои бывшие друзья, расположившись за стойкой школьного буфета, старательно делают вид, что меня здесь нет. С горечью понимаю, будто догадка относительно непостоянства «дружбы навек» справедлива.

Вижу, как парни из высших социальных синдикатов притормаживают, чтобы выказать Джиджи свое участие: спортсмены, члены студсовета, даже несколько молодых учителей, похоже, все исполь-